

Лия АХЕДЖАКОВА:

Не хочу, чтобы люди умирали в бессмысленном соревновании за то, чья нация важнее

Каждая работа Лии Ахеджаковой дарит истинное зрительское наслаждение и надолго отпечатывается в памяти, будь то ее кинороли или спектакли театра «Современник» — «Спешите делать добро» и «Эшелон» по пьесам М. Рождина, «Стена» А. Галина и «Квартира Колумбины» Л. Петрушевской, «Крутой маршрут» Евг. Гинзбург и недавно выпущенный спектакль «Трудные люди» по пьесе И. Бар-Иосефа, где Лия Ахеджакова, психологически точно сыграв старую деву Рахель, превратила свою роль не только в драматически насыщенный рассказ о человеческом одиночестве, но и о человеческом достоинстве.

Уникальность актерской индивидуальности Лии Ахеджаковой позволяет ей балансировать на грани трагифарса и абсолютной жизненной достоверности. Поиск зыбких нюансов и намеков, импрессионистических бликов чужд ее темпераменту. Пожалуй, он был бы для нее скучен и утомителен. Ей ближе жесткий и энергичный рисунок, ближе острая и ерническая графика немецких экспрессионистов: допустим Георга Гросса. И хотя часто роли Ахеджаковой словно спиты по ее мерке — маленькие, колкие, броские, эффектные, обычно актриса «восстает» против своей «немасштабной» фактуры, исключая любой намек на сентиментальность, слезливость, «жалостливость». А если нежно-хрупких оттенков требует роль, она придает им какой-то романтический, отстраненно-мечтательный характер...

Замечательные, разнообразные роли подарил Лии Ахеджаковой в своих фильмах Эльдар Рязанов: восторженную «училку» — подругу главной героини в «Иронии судьбы», отважную правдоискательницу и идеалистку в «Гараже», раскрепощенную модницу, уверенную в своей женской неотразимости секретаршу Верочку в «Служебном романе» наконец в «Небесах обетованных» роль бывшей художницы Фимы, которая не растерялась в наше смутное время и «перешла к рынку» собственным путем став нищенкой. За роль Фимы Ахеджакова была удостоена одной из самых престижных отечественных кинематографических наград — приза «Ника», а сам фильм, собравший шесть призов, после недавнего показа по телевидению переживает вторую волну успеха...

— Лия, как вы отнеслись к вручению «Ники»?

— «Ника» для меня стала случайным, неожиданным праздником. Хотя сначала задело, что на приз меня выдвинули «за роль второго плана». На самом же деле,

сама стилистика этой ленты Эльдара Александровича такова, что там две главные роли — у меня и Ольги Волковой. А пишут «второго плана». Видно, на мне клеймо такое стоит. С другой стороны, я думаю, что если бы номинация была на главную женскую роль, то я бы «Ник» не получила. Ее бы все равно отдали Инне Чуриковой за роль в фильме «Ребро Адама». Она действительно великая актриса, и то, что она делает в этом милом и очень симпатичном фильме, — это сколок с ее большой работы. Это тот случай, когда большого художника можно узнать по маленькому кусочку его полотна.

— Лия, вы снимаетесь в новом фильме Рязанова?

— Нет. Там нет для меня роли.

— Как же он без вас?

— Что же он, обязался что ли? Правда, я один раз должна появиться в фильме, и там в доме героини висит мой портрет.

— Значит, все-таки вы есть?

— Мелькну...

— Замечательно.

— Не замечательно. Я бы предпочла поработать с Эльдаром Александровичем, и поработать серьезно. И не только потому, что он такой знаменитый, популярный и талантливый. У него очень хорошо на съемках всегда. Это как бы способ дружить.

— Чувствуется, что он любит актеров.

— Любит чувствует и все время старается для своих актеров найти что-то новое, по-новому их раскрыть.

— Лия, вас не пугает, что, с тех пор как вышел фильм «Небеса обетованные», таких персонажей как ваша Фима — нищих, стало больше?

— Да-аа... Но в Фиме — главное не то, что она нищая, а ее природа свободное человека. Ведь она по-своему аристократка, которая согласна обходиться без всех этих материальных благ, только бы оставаться независимой.

— Имея определенный опыт «нищенствования», узнаете ли вы на улицах, кто «профессионал», а кто действительно бедствует?

— Иногда да. Но я стараюсь об этом не думать. Пройдет — значит надо дать. Нечего дать — не давай. Я свято верю, что рука дающего не оскудеет.

— А что вас оскорбляет в нашей жизни?

— Ну например, когда мужчина защищает себя как Родину. Когда он может словом и делом ударить женщину только за то, что она, по его мнению, недостаточно высоко его оценила. И это в мужчинах я наблюдаю почти поголовно — совершенно неадекватное отношение к своей персоне. Возможно, потому, что в душе они не мужчины, а лидеры?

— В последние годы ваши

лучшие роли были сыграны в спектаклях Романа Виктюка — «Квартира Колумбины», «Стена», «Мелкий бес». Роман Виктюк — ваш режиссер?

— Ну конечно. Для него нет ампулы, для него есть друзья и недрузья, люди с хорошим характером и с плохим, люди, которые могут, и люди, которые ничего не могут. Дать мне Варвару в «Мелком бес» Сологуба — это был диск для Виктюка, но он в первую очередь рассматривает на себя, он знает, как сделать, чтобы это было интересно, чтобы я была на месте... С Галиной Борисовной Волчек мне тоже интересно работать. У нее всегда в спектаклях есть такие внутренние ходы и она так легко ими делится, раздарила их, что в ее спектаклях очень просто находишь путь к реализации роли.

— Лия, по-моему, в классике у вас почти не было ролей. — Мирчуткина в чеховском «Юбилее», в «Дядюшкином сне» на телевидении и в «Мелком бес» Вилите ли вы для себя роли в классическом репертуаре?

— Конечно вижу и всем об этом говорю. Я очень люблю Гоголя Достоевского. Вся жизнь мечтала сыграть Шарлотту в чеховском «Вишневом саде». Мне кажется, и сердцем, и умом, что я знаю, как ее сыграть. У меня чутье на таких людей без ролу без племени, которые должны шутить и веселиться, как клоуны, иначе общество их выпалкивает. Это чутье на внутреннюю трагедию клоуна.

— Личный жизненный опыт?

— Да. Я ведь провинциалка.

— Москва ломает людей?

— Ломает.

— Насколько в вашей профессии важно владеть какой-либо системой, например Станиславского?

— Конечно, меня в ГИТИСе обучали системе Станиславского, но не могу отсеять, что во мне идет от системы, что от своей природы, что от навыков. Я верю в другую систему. Когда-то прочла: на вопрос верит ли она в какую-нибудь систему Анна Маньяни ответила: «Только в одну — заболеть судьбой человека, которого играешь, как своей собственной. До сердечных спазмов, до слез поверить в эту судьбу...».

— А что вы сейчас репетируете?

— Ничего. Уже второй год ожидаю съемок в фильме «Вино из одуванчиков» по Рею Вредбери. Но они все откладываются. А я очень люблю Вредбери и именно новеллу «Машина счастья», в которой должна сниматься. С Игорем Квашой хотим сыграть в пьесе Ионеско, но пока тоже нет определенности. Есть план совместной работы с Геннадием Хазановым.

— Тогда чем вы заполняете паузы в работе?

— У меня нет пауз. Я всегда работаю. Без работы мне скучно. Я много играю в провинции. У меня есть прекрасные партнеры, с которыми мы выступаем на разных площадках. Так, с Аллой Покровской мы сами сделали одноактную пьесу молодого драматурга Николая Коляды «Шерочка с Машерочкой». Мы играли ее в Витебске, Гродно, Великом Устюге. А в Новокузнецке я играла эту пьесу с местной актрисой Вероникой Березняковой. Я люблю ездить, особенно в города, где есть маленькие театры, там очень благодарные зрители. Но дорога изматывает. С Аллой Покровской мы играли «Шерочку с Машерочкой» на фестивале «Женщина в театре» в Воронеже. Сначала туда не могли вылететь, из аэропорта «Быково» не летали самолеты. Аэропорт не отапливается, есть нечего, сомнительный кофе за 67 рублей... Наконец вылетели, отыграли два спектакля, и нас «засунули» в обратный поезд, жуткий, грязный, душный. Но при этом какие интеллигентные, чудные зрители были на этих спектаклях, какие прекрасные, замечательные люди...

— А вас не пугает, что интерес к театру падает?

— Куда бы я ни приезжала — полные залы. И у нас в театре, и на спектакле «Трудные люди», да и на всех спектаклях — аншлаги. Меня пугает другое — война. То, что происходит на Кавказе. — Это нарыв, который может гноить заразить все тело. Пугает эпидемия ненависти к человеку на твоей национальности. И это происходит и у нас, и в Лос-Анджелесе, в Персидском заливе. Почему кто-то присваивает себе право распоряжаться чужими судьбами, жизнью. Я готова говорить на том языке, который мне предлагает, только чтобы не умирали люди в бессмысленном, идиотском соревновании за то, чья нация важнее, древнее и какой народ здесь жил до пришествия Христа. Ни рак, ни СПИД не разбираются, кто какой национальности. Вот что нас должно волновать, вот против чего надо бороться, а не друг с другом!

— Значит, вы не можете от этого отстраниться?

— Хотя все уважающие себя художники и говорят, что они вне политики, но я не понимаю, как можно пропустить это мимо сердца, мимо глаз, ушей. А главное, если ты выходишь к зрителям, то должен знать, чем эти люди больны, почему им плохо. Тем более что русская культура — это всегда то сердце, которое болит...

Петр КУЗЬМЕНКО.

Фото А. БОМЗЫ.